

Научная статья

УДК 81-2

DOI 10.17223/18137083/78/17

**Литературный и диалектный варианты
лексико-семантического поля «Вред»:
сопоставительный аспект**

Яньчунь Лю

Даляньский университет иностранных языков
Далянь, Китайская Народная Республика
liuyanchun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-9055>

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению семантической структуры и мотивационных характеристик лексико-семантического поля «Вред» на материале русского литературного языка и диалектов. Выявленное сходство и историческая вариативность понятийной основы членения поля на субполя «вред для здоровья субъекта», «вред для материального состояния субъекта» и «вред для жизни субъекта и общества (в целом)» в литературном языке и диалектах русского языка свидетельствует об общей структуре рассматриваемого фрагмента языковой картины мира в национальном сознании с сохранением в диалектах следов ранних этапов осмысления понятия «вред» (вследствие генетических связей праславянского периода).

Ключевые слова

лексико-семантическое поле «Вред», сопоставительный аспект, семантическая структура, мотивационная характеристика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта Фонда планирования социальных наук провинции Лаонин L19CYY009 (辽宁省社会科学规划基金项目 L19CYY009)

Для цитирования

Яньчунь Лю. Литературный и диалектный варианты лексико-семантического поля «Вред»: сопоставительный аспект // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 239–250. DOI 10.17223/18137083/78/17

**Literary and dialect variants of the lexical-semantic field
of “vred” (harm): comparative aspect**

Liu Yanchun

Dalian University of Foreign Languages
Dalian, China
liuyanchun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-9055>

Abstract

This paper compares the semantic structure and motivational characteristics of the lexical-semantic field of “vred” (harm) in the literary and dialectal Russian language. The analysis

© Яньчунь Лю, 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 239–250
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 239–250

has shown the similarity of the conceptual basis for dividing the field into subfields in the literary language and dialects (“harm to the health of the subject,” “harm to the material condition of the subject,” “harm to the life of the subject and society (in general)”). The comparison of fields in terms of motivation revealed eight motivational models with different lexical representations in the literary language and dialects: three are widely represented in the Russian literary language and dialects, while five are much less productive. Absolute superiority in the quantitative realization of dialects compared with the literary language is observed in the motivational model “vred / vrednyy / vredit” (harm / harmful / to harm), “a magical action, when the evil eye brings the subject into a painful, unnatural state,” indicating the traces of the pagan (in the form of superstition) worldview of traditional culture bearers. Combining the synchronic approach analysis with the diachronic one allowed revealing the historical depth of the formation of the concept “harm” and definite stability in its modeling since the Proto-Slavonic period. With the historical variation of the conceptual basis for the division of the field into subfields in the literary language and dialects, the similarity identified indicates the general structure of the fragment in question of the linguistic picture of the world in the national consciousness.

Keywords

lexico-semantic field “Harm”, comparative aspect, semantic structure, motivational characteristic

Acknowledgments

This research is supported by Social Science Planning Fund Project of Liaoning Province of China L19CYY009 (辽宁省社会科学规划基金项目 L19CYY009)

For citation

Yanchun Liu. Literary and dialect variants of the lexico-semantic field of “vred” (harm): comparative aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 239–250. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/17

Проблемой представленности понятия «вред» в русском языке интересовался ряд лингвистов [Хорошунова, 2002; Погорелова, 2002; Азылбекова, 2011; Савельева, 2014]. Но эта проблема не рассматривалась с точки зрения мотивационно-генетической характеристики лексического поля, и не привлекался материал диалектов русского языка. Мы раньше уже обращались к анализу мотивационно-генетических связей рус. *вред* и лексико-семантического поля «Вред» на материале литературного языка, а также рассматривали диалектное субполе «Сглаз, порча» [Дронова, Лю, 2016; 2017; Лю, 2018]. Данная статья посвящена следующему этапу анализа, сопоставительному: анализу представления о вреде как фрагменте национального русского сознания, общему и различному в структурировании и мотивационной характеристике этого понятия у носителей литературного языка и носителей традиционной культуры.

Сбор материала литературного языка велся по синонимическим и толковым словарям (Большой академический словарь русского языка, 2004–2018 (БАС); Малый академический словарь русского языка, 1981–1984 (МАС); Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка в 4 т., 1994) с использованием дефиниционного анализа, диалектный материал получен методом сплошной выборки из Словаря русских народных говоров (49 выпусков) и из других диалектных словарей. Представленность понятия «вред» в литературном языке и диалектах различается в количественном отношении (около 200 и 600 единиц соответственно), что связано с большей степенью детализации семантического пространства поля в диалектах, с особенностями существования лексического континуума диалектов.

1. Сопоставление семантической структуры поля «Вред» в русском литературном языке и диалектах

1.1. Структурирование поля на субполя в литературном языке и диалектах как отражение структуры понятия «вред»

Максимально полно в литературном языке понятие «вред» как признак представляет прилагательное *вредный*, как субстанцию – существительное *вред*, как процесс, действие – *вредить*. Анализ семантической структуры этих лексем в толковых словарях позволяет определять структуру языкового поля «Вред» – ядро и три субполя: «вред для здоровья субъекта», «вред для материального состояния субъекта», «вред для жизни субъекта и общества (в целом)».

Границы поля «Вред» открытые, нечеткие, что обусловлено самим характером семантических отношений в лексической системе языка, соответственно, и границы между субполями зыбкие, размытые. В целом рассматриваемое лексико-семантическое поле представляют в литературном языке ок. 200 лексем. В результате того, что одна лексема способна выражать больше, чем один аспект понятия, отдельные лексемы в разных своих значениях могут присутствовать в разных субполях. Вследствие этого, если говорить о лексической представленности поля с учетом трех субполей, в целом к полю относятся ок. 250 лексических единиц: в субполе «Вред для здоровья субъекта» – ок. 100 слов, в субполе «Вред для материального состояния субъекта» – ок. 90 слов, «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» – ок. 60 слов.

В лексико-семантическом поле «Вред» в диалектах также выделены три субполя, как и в литературном языке, что предполагает общее основание, общую структуру представления о вреде на уровне национального сознания. Но из-за представленности в субполе «Вред для здоровья субъекта» двух разных способов осмысления понятия вреда для здоровья субъекта в сознании носителей традиционной культуры и многочисленности этой лексики (ок. 290 лексем) это субполе разделили на две части (сегмента) – «лексика, обозначающая вред для здоровья в результате болезни, нанесения телесного повреждения» (ок. 100 лексем) и «лексика, обозначающая вред для здоровья в результате использования магии» (ок. 190 лексем). Заметной особенностью поля «Вред» в диалектах является отсутствие лексемы *веред* / *вред* и ее производных во второй части субполя «Вред для здоровья» («Вред для здоровья в результате использования колдовства, магии»).

Лексико-семантическое поле «Вред» в диалектах значительно превосходит такое поле в литературном языке. Выделяются те же субполя, что в литературном, и соотношение наполняемости субполей тоже похоже: некоторое преимущество субполя «Вред для здоровья субъекта» (ок. 290 единиц) по сравнению с субполем «Вред для материального состояния субъекта» (ок. 270 единиц) и значительное количественное превосходство этих двух субполей по сравнению с третьим – «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» (ок. 65 единиц). Как мы уже отметили относительно семантической структуры поля в литературном языке, такое соотношение лексической представленности субполей свидетельствует об особой значимости именно двух конкретных и в равной степени осознаваемых важными и требующими дискретной номинации аспектах представления о вреде, о создающих его причинах / действиях у носителей литературного русского языка и диалектов.

Выявленное сходство понятийной основы членения поля на субполя в литературном языке и диалектах свидетельствует об общей в целом структуре рассматриваемого фрагмента языковой картины мира в национальном сознании.

1.2. Структурирование по степени семантической близости лексики к ядру поля «Вред» как отражение этапов формирования понятия «вред»

Определение центральной части (ядерной и околоядерной) в литературном языке лексико-семантического поля «Вред» произведено на основе дефиниционного анализа лексем, данных синонимических и частотных словарей, словаря сочетаемости и данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Ядро представляет лексема *вред* и ближайшие ее производные *вредить*, *вредный*, околоядерную зону – лексемы *портить*, *ущерб*, *убыток*.

Семантика лексики субполей в разной степени связана с понятием «вред», поэтому мы выделяем ближнюю и дальнюю периферию: к ближней периферии относится лексика, основным значением связанная с каким-то аспектом (аспектами) понятия «вред», ср. общеупотребительные лексемы *истереть*, *наколоть*, *обжечь*, *переиграть*, *подшибить*, *разбить* и т. п., разговорные, просторечные и устаревшие лексемы – *ломать* ‘калечить, увечить’, *отстукать* ‘утомить, повредить ходьбой; отбить’, *переработать* ‘поработав слишком много, причинить себе вред’, *разворотить* ‘повредить, исковеркав, изуродовав (какую-л. часть тела)’, *разрывать* ‘повредить чем-л. режущим, острым; порезать’, *тронуть* ‘причинить некоторый ущерб своим воздействием, слегка испортить, повредить’ (*Лицо, тронутое оспой*) (МАС, т. 2, с. 198, 713; т. 3, с. 90, 595, 629; т. 4, с. 415) и др. Дальнюю периферию представляют лексемы, основное значение которых прямо не связано с понятием «вред», ср. *надорвать* ‘повредить что-л. от чрезмерного усилия, напряжения’ (*Надорвать голос. Надорвать здоровье*), *подкосить* ‘лишить силы, бодрости и т. п.’, *подсечь* ‘подорвать, причинить большой вред чему-л.’ (МАС, т. 2, с. 346; т. 3, с. 193, 217) и т. д. При определении прямого / переносного значения мы опирались на пометы в лексикографических источниках литературного языка.

В периферийной части субполя «Вред для здоровья субъекта» представлены как лексемы со значением вреда, полученного в связи с болезнью, ранением, повреждением (*калечить*, *измять*, *ранить*, *увечить*, *уродовать* и др.), так и лексемы, обозначающие некоторое конкретное действие, наносящее вред здоровью человека (*изъесть*, *истереть*, *наколоть*, *начесать*, *терять* и др.). В целом на периферии поля преобладает общеупотребительная лексика (ок. 60 единиц), хотя разговорная и просторечная лексика составляет значительную часть этого субполя (ок. 40 единиц).

На ближней периферии субполя «Вред для материального состояния субъекта» определяется незначительное преобладание общеупотребительной лексики (*убыль* ‘то, что убыло; убыток’ (*Возместить убыль*), *урон* ‘потеря, ущерб, убыль’, *коверкать* ‘портить, ломать, резко нарушая форму предмета’, *паскудить* ‘делать негодным, скверным; портить’, *проиграть* ‘утратить что-л., лишиться каких-л. выгод, преимуществ или потерпеть ущерб от чего-л.’, *терять* ‘лишаться каких-л. выгод, преимуществ, терпеть ущерб, убытки’, ‘тратить, расходовать попусту, нецелесообразно’ (МАС, т. 2, с. 65; т. 3, с. 28, 488; т. 4, с. 360, 447, 513) по сравнению с разговорной и просторечной (*гадить* ‘делать пакости, скрытно вредить’ (*В этом деле кто-то нам гадит*), *гробить* ‘уничтожать, губить’ (*Гробить*

дело), *нарушить* 'разрушить, повредить', *обидеть* 'нанести ущерб кому-л. в делах (обычно денежных), дать меньше, чем следует' (*Обидеть деньгами*), *школа* 'убыток, изъём, вред, порча', 'тот, кто наносит вред, убыток злонамеренно или из озорства' (МАС, т. 1, с. 296, 348; т. 2, с. 391, 533; т. 4, с. 721). К дальней периферии отнесены лексемы, у которых значение 'вред' является переносным – *изгадить* 'испортить', *нагреть* 'обманом, хитростью и т. п. ввести в убыток' (*нагреть руки*), *нажечь* 'обманув, причинить кому-л. материальный ущерб, убыток', *починить* 'повредить, разбить' (МАС, т. 1, с. 296; т. 2, с. 340, 352; т. 3, с. 344) и т. д. Преобладание глагольной и префиксально аспектированной лексики объясняется осознанием носителей языка необходимости обозначить действия, наносящие вред, ущерб для материального состояния человека.

Лексика периферии субполя «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» по своему составу демонстрирует пересечение с лексикой двух других субполей, отличаясь от них целеполаганием действия и сферой проявления действия, наносящего вред субъекту / объекту, т. е. это лексика с семантикой вреда, который воздействует на разные стороны жизни человека (*избаловать* 'испортить излишним баловством', *извратить* 'оказать дурное влияние; испортить' (*Воспитание извратило его ум и сердце*), *заразить* 'увлечь кого-н. чем-н., внушить кому-н. что-н., передать кому-н. какую-н. склонность (дурную или хорошую)' (*Заразить страстью к картам*), *коверкать*, *заучить* 'устать, причинить себе вред чрезмерными занятиями; переучиться' (МАС, т. 1, с. 635, 640, 589; Ушаков, т. 1, с. 1017–1018), *набаловать* 'испортить излишним баловством; избаловать' (*Набаловать ребенка*), *пакостить* 'делать пакости, вредить' (*Пакостить своему соседу*), *подгадить* 'сделать плохим, неприятным; испортить', *разладить* 'помешать осуществлению чего-л.; расстроить' (*Разладить дело*) (МАС, т. 2, с. 324; т. 3, с. 11, 181, 609) и т. д.).

Таким образом, оценивая лексическую наполненность субполей с точки зрения семантической близости к ядру, выделения ближней и дальней периферии, можно отметить незначительное преимущество в количественном отношении субполя «Вред для здоровья субъекта» по сравнению с субполем «Вред для материального состояния субъекта» и значительное количественное превосходство этих двух субполей по сравнению с третьим – «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)».

В диалектной лексике применен иной способ выделения ядра и периферии поля, чем в литературном языке, и это обусловлено объективными причинами: спецификой существования самого объекта – диалектного лексического континуума как системы многих лексических подсистем, территориально ограниченных вариантов общей диалектной системы национального языка, и тем, что при анализе диалектного материала имеем дело не с собственно синонимией, а с изосемией. Обусловлено это и степенью лексикографической проработки лексики диалектов – отсутствием синонимических словарей отдельных диалектов (где для синонимического ряда выделяется доминанта), отсутствием частотных словарей для диалектов, а также отсутствием лексикологических работ, системно анализирующих явление изосемии в диалектах. Вследствие этого критерием выделения ядерной, доминантной, части субполя являлось наличие в семантической структуре лексемы и ее дериватов, разноаспектного выражения понятия «вред» и широта представленности в разных диалектных зонах. По этим критериям мы не смогли выделить гипероним для поля, т. е. лексему, выражающую все аспекты понятия «вред», поэтому ядерную часть выбирали в пределах субполя.

Различие, наблюдаемое во внутреннем структурировании поля на ядро и периферию (ядерная лексема *веред* / *вред* и ее производные практически отсутствуют в части субполя «Вред для здоровья в результате использования колдовства, магии»), позволяет предположить сохранение в традиционной культуре следов исходной дифференциации представлений о вреде (с двумя разными зонами референции). В среде носителей литературного языка подобная дифференциация не наблюдается.

Ядро одной части субполя «Вред для здоровья субъекта» («Вред для здоровья субъекта, причиняемый в результате болезни, нанесения телесного повреждения») включает лексемы *веред* / *вред*, *вередить* / *вредить* и их производные. Близки по семантике к ядру лексемы *порча*, *портить*. Ср. *пóрченный* ‘больной, нездоровый, поврежденный’ (сарат. *Руки, ноги порченые*), ‘потерявший свои качества (от старости), неполноценный’ (костром. *Кровь теперь уж порченая, старая*), *спóртиться* ‘повредиться, измениться к худшему (о лице, голосе и т. п.)’ (север., нижегор.) (СРНГ, вып. 30, с. 115; вып. 40, с. 233). Но функционально, по распространенности в диалектах *портить* и его производные в этой части субполя уступают ядерным лексемам, поэтому мы отнесли их к околоядерной зоне субполя. Сюда же включили более широко представленные лексемы, аналогичные по семантике литературным *увечить*, *увечье*, но образованные с другими префиксами от *век-* / *веч-*, ср. *безв́ечить* ‘наносить увечье кому-либо’ (олон., пск., твер.), ‘лишать чего-либо’ (нижегор.), *ув́ековать* ‘калечить, увечить кого-л.’ (пск., твер.), *уко́вечить* ‘покалечить, изувечить’ (арх. *Пьяной мужик кого хошь укувечит*) (СРНГ, вып. 2, с. 182; вып. 46, с. 167; вып. 47, с. 72).

Ядро второй части субполя «Вред для здоровья субъекта» («Вред для здоровья субъекта, причиняемый использованием колдовства, магии») наиболее полно представляет семантика лексем *порча*, *портить*, *(с)глаз*, *(с)глазить*, *(из)урочить*, *урок* и их производные. В околоядерную зону помещены лексемы семантически близкие к ядерным лексемам, но функционально, по распространенности уступающие им. Это производные с корнем *рек-* (*вр́ековать*, *вр́ековать*, *вр́эк* ‘болезнь или несчастье от колдовства, сглаза, чьих-либо слов и т. п.’, ‘порча, сглаз’ (пск.) и др.) и с корнем *зев-* и *зеп-* (*озе́вать*, *озев* / *оз́ев* ‘дурной глаз, сглаз’ (арх., твер., влад., КАССР, тамб., симб., вост., иркут., якут. *Это с ним с озе́ву попритчилось*), ‘болезнь, вызванная порчей, сглазом’ (арх., вят., Киров., вост., новосиб., енис.), *озе́пать*, *оз́епать*, *оз́еп* / *оз́еп* ‘дурной глаз, вызывающий болезнь, неприятности’ (вост., иван., влад.), ‘болезнь от дурного глаза, порчи’, ‘порча от чрезмерной похвалы’ (влад., симб., яросл., новг. и др.), ‘что-л. плохое, случившееся от дурного глаза’ (влад.), ‘болезненное состояние: тяжесть в теле, головокружение’, ‘зависть с недоброжелательством, пожелание в мыслях чего-л. дурного кому-л.’ (яросл.) (СРНГ, вып. 5, с. 190; вып. 23, с. 87, 89) и др.).

В семантике лексики со значением ‘смотреть, выражая эмоции’ обнаруживается смежность понятий «смотреть» и «говорить» («словом, восклицанием выражать эмоции»): нашлось большое количество лексики со значением ‘сглаз, сглазить, навести порчу’, производной от лексем со значением ‘говорить, кричать, судить’. Большей частью это слова с корнями *рек-*, *рок-*, *говор-*, *зык-*, *-суд-* (*у́рок* ‘сглаз, причинение вреда кому-л. недобрым взглядом (дурным глазом)’ (вят., влад., яросл., костром., волог., нижегор., прикамье, оренб., урал., свердл., тобол., алт., том., енис., вост. сиб., иркут., зап., южн. сиб., бурят., амур. *Я захворала с уро́ку*) (СРНГ, вып. 47, с. 330), *вр́эк* ‘болезнь или несчастье от колдовства, сглаза, чьих-либо слов и т. п.’, ‘порча, сглаз’ (пск.) (СРНГ, вып. 5, с. 190), *огово́рить*

‘словом причинять вред, навлекать беду, вызывать болезнь, порчу и т. п.’ (арх., новг., волог., яросл.) (СРНГ, вып. 22, с. 332), *о́зык* ‘наговор, сглаз, порча’ (волог., яросл. *С озыку сталося, озык наслан*) (СРНГ, вып. 23, с. 101), *осуд, осуда, осуды* ‘болезнь, порча и т. п. от «дурного глаза» или слова; сглаз’ (пск., твер., новг.) (СРНГ, вып. 24, с. 95)).

В субполе «Вред для материального состояния субъекта» ядро представлено лексемами *веред / вред, вередить / вредить, убыть* ‘материальный ущерб, потеря, урон’ (пск., твер.), *убыток, убытка* ‘материальный ущерб, потеря, урон’ (твер.) (СРНГ, вып. 46, с. 149–150), *изубытить* ‘принести убыток кому-либо, оставить в убытке кого-либо’ (вят., перм., заурал.) (СРНГ, вып. 12, с. 171), *пакость* ‘потрава’ (арх., пск., твер., новг., петерб., ленингр., КАССР) (СРНГ, вып. 25, с. 160), *пóкáстítь* ‘наносить ущерб, причинять вред, портить что-л.’ (сев.-двин., волог., вят., орл., перм., тобол., свердл., ср. урал, сиб., южн. сиб.) (СРНГ, вып. 28, с. 369), широко распространенными и наиболее полно выражающими понятие «вред». Близкая по значению, но менее распространенная лексика в околоядерной части поля: *портить, зóрítь* ‘разорять, расхищать, грабить; уничтожать, истреблять’ (арх., сев.-двин., север., волог., яросл., уфим., вят., костром., влад., самар., пенз., перм., калуж., урал., ср. урал, тюмен., южн.-сиб., забайк., якут., иркут., новосиб., том.) (СРНГ, вып. 11, с. 340–341), *урон* ‘спад, убыль’ (мурман.), на урон пойти ‘прийти в упадок, расстроиться (о хозяйстве)’ (волог.) (СРНГ, вып. 47, с. 349), *изъян* ‘убыток, ущерб’ (арх., сев.-двин., олон., север., твер., новг., вят., волог., казан., нижегор., костром., влад., самар., ворон., перм., смол., Латв. ССР, Эст. ССР, оренб.), ‘расход’ (пск., петерб., новг., сарат.) (СРНГ, вып. 12, с. 177), *прокуда* ‘порча, вред, беда’ (перм.) (СРНГ, вып. 32, с. 165). В субполе «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» – сравнительно небольшом – выделили только ядерную часть – *веред / вред, портить*.

Историческую глубину формирования представления о вредном у носителей традиционной культуры характеризует наличие архаической лексики, не сохранившейся в литературном (производные от *рек- / реч-, рок- / роч-, век- / веч-, зев-, зеп-* и др.).

Выделение ближней и дальней периферии в диалектном лексико-семантическом поле «Вред» имеет свои сложности по сравнению с лексико-семантическим полем «Вред» литературного языка. Это связано как с функциональными особенностями лексической системы диалектов, относительно поздней их зафиксированностью, активным разрушением под влиянием литературного языка, урбанизации и проч., так и со степенью лексикографической обработанности. Мы пошли тем же путем, что и при определении центральной части субполя, взяв за критерий степень распространенности лексем по диалектам: к ближней периферии отнесли лексику, представленную больше чем в двух диалектах, соответственно к дальней периферии отнесена лексика, отмеченная в 1–2 диалектах: например, к ближней периферии субполя «Вред для здоровья субъекта» отнесены лексемы *досажда́ть, досади́ть* ‘ушибать, ударять, ранить кого-, что-либо’ (арх., олон., КАССР, новг., калуж.), *нару́шить* ‘повредить здоровье; заболеть’ (арх., перм., зауралье, курган.), *травíть* ‘повреждать, портить что-л.’ (новг., Низ. Печора, р. Урал), ‘портить, расстраивать желудок’ (пск., твер.), *угро́бить* ‘губить, подрывать здоровье кого-л. тяжелой работой’ (пск., ряз., Груз. ССР, р. Урал, новосиб., том.), ‘повредить, сломать что-л. (руку, ногу)’ (арх., карел.) (СРНГ, вып. 8, с. 138; вып. 20, с. 138; вып. 44, с. 337; вып. 46, с. 255) и др., к дальней – *зауро́дить* ‘повредить, ранить’ (смол.), *изба́вить* ‘повредить, поранить’ (курск.), *кази́ть* ‘пор-

тять, повреждать, искажать' (ворон.), *ска́зiть* 'испортить, изуродовать что-л.' (арх.), *перега́дить* 'попортить, а также искалечить многое или многих' (ряз.), *убра́ть* 'повредить, испортить здоровье' (приамурье.), *убра́ть глаза (ноги и т. п.)* 'повредить глаза (ноги и т. п.) вследствие какой-л. работы' (том.) (СРНГ, вып. 11, с. 134; вып. 12, с. 89, с. 319; вып. 26, с. 62; вып. 37, с. 365; вып. 46, с. 121) и др.

Таким образом, ядро поля «Вред» в диалектах оказывается неоднородным: в отличие от литературного варианта поля, не удалось выделить гипероним, что объясняется сохранением в диалектах и литературном языке разных этапов осмысления понятия «вред». При сопоставлении полей выявлена лексика, общая для литературного и диалектного варианта поля, определена близость значительной части лексики диалектов с разговорной и просторечной лексикой литературного языка, что закономерно как следствие тесного взаимодействия двух культурных страт. Собственно диалектной лексики, не совпадающей в корневой части слова с литературной, разговорной, просторечной, обнаруживается около 20 %.

2. Сопоставление мотивационной характеристики поля «Вред» в русском литературном языке и диалектах

Мотивационные связи лексических единиц отражают существующие в сознании носителей связи между явлениями окружающей действительности, и, следовательно, выявление мотивов номинации несет ценную информацию о ментальном мире человека, картине мира этноса. Более надежное представление этноса о мире определяет «ближняя» мотивация, реализованная в последнем словообразовательном акте, создавшем слово, определяющем его значение. Это относится к словам производным, с «прозрачной» внутренней формой, с осознаваемым носителем языка мотивировочным признаком. В исследованном нами лексико-семантическом поле подавляющее большинство лексики является производной, и значительная ее часть имеет прозрачную внутреннюю форму. Это синонимы к ядерной единице поля – к слову *вред*, они называют отдельные аспекты понятия «вред», структурируют понятие в языке (*ущерб*, *урон*, *убыток*, *изъян*, *наклад*, *сглаз* и др.).

Иначе обстоит дело с лексемами неясной внутренней формы, с непроявленным мотивировочным признаком (*вред*, *портить*, *пакость* и др.). В данном случае речь идет о лексических единицах ядерной и околоядерной зоны и отдельных лексем периферии поля, что является закономерным следствием исторической глубины формирования понятия «вред». Для этих лексем потребовалась мотивационно-генетическая характеристика, применение историко-этимологического анализа. Такой анализ был сделан для лексем ядерной части поля (*вред*, *портить*, *пакость*), и его результаты учтены в мотивационно-генетической характеристике лексико-семантического поля «Вред» в литературном русском языке [Дронова, Лю, 2016].

Анализ мотивационно-генетической характеристики диалектного варианта лексико-семантического поля «Вред» выявил еще ряд непрямых по своей структуре лексем, потребовавших реконструкции мотивировочного признака. Для лексем *коверкать*, *паскудить*, *каверза* / *каверзить*, *ломать*, *губить* родственная лексика позволила надежно установить мотивировочный признак, компенсируя утраченные словообразовательные звенья. Для слов *пакость*, *ранить*, *калечить* мы выбрали наиболее принятый в современных этимологических словарях вариант реконструкции [Дронова, Лю, 2017]. В результате в рассмотренной непрямой

водной лексики ядерной, околоядерной зоны и периферии выявлен ряд мотивировочных признаков, ряд смыслов, определявших формирование понятия «вред» на разных этапах русско-славянской истории. Это мотивировочные признаки (реконструированные, гипотетические даны со звездочкой *), реализующие семантические схемы образования слов со значением 'вред / вредный / вредить (как результат определенного действия)':

- 1) «действие / нечто, разрушающее целостность субъекта / объекта» (**вред* / **веред*, **вередить* / **вредить*, *рана*, *ранить*, *ломать*, *калечить*);
- 2) «действие / нечто, нарушающее / меняющее исходное состояние субъекта / объекта» (**портить*, **порча*, **губить*, *коверкать*, *ломать*);
- 3) «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое, неполноценное, по оценке субъекта» (*убыток*, *ущерб*, *изъян*, **паскудить*);
- 4) «действие, совершенное (сознательно или неосознанно) наоборот, вопреки, препятствовать, создавая помехи» (**накость*, **накостить*, *каверза*, *каверзить*);
- 5) «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом (*портить*, *порча*);
- 6) «действие, направленное на то, чтобы портить, осквернив, изгадив; издеваясь» (*паскудить*);
- 7) «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или неосознанно получаемым отрицательным для объекта результатом» (*школа*, *шкодить*);
- 8) «интенсивное действие, наносящее вред».

Наибольшая историческая глубина формирования представления о вреде, восходящая к праславянскому, выявлена у мотивировочных признаков «действие / нечто, разрушающее целостность субъекта» (**вред* / **веред*, **вередить* / **вредить*), «действие / нечто, нарушающее / меняющее исходное состояние субъекта / объекта» (**портить*, **порча*). Мы понимаем, что грань между этими признаками очень зыбкая: нарушение целостности – это и изменение исходного состояния, но совсем не обязательно, что изменение исходного состояния – это нарушение целостности.

Кроме того, анализ и реконструированных, и современных мотивационных отношений в лексико-семантическом поле «Вред» показывает значительную степень преемственности в культуре, сознании русского народа, той его части, которая является носителем литературного языка (с учетом разговорной и просторечной лексики), в формировании понятия «вред», его понятийных компонентов. Эта преемственность в осмыслении понятия «вред» и отразилось в реализованных в литературном языке и диалектах одних и тех же мотивационных моделях номинации.

Сопоставление полей в мотивационном отношении показало, что в лексико-семантическом поле «Вред» представлены мотивационные модели, различающиеся в литературном языке и диалектах лексической представленностью субполей. Три из них соотносятся и по мотивационной активности: «вред» как 1) «действие / нечто, разрушающее целостность субъекта / объекта», 2) «действие / нечто, меняющее исходное состояние субъекта / объекта в худшую сторону», 3) «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое / большое, неполноценное / плохое, по оценке субъекта». Эти три мотивационные модели оказались широко представлены как в русском литературном языке, так и в диалектах. Пять других выявленных моделей значительно менее продуктивны. Абсолютное превосходство по количественной реализации в диалектах по сравнению с литературным языком

ком наблюдается у мотивационной модели «вред / вредный / вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом», что объясняется сохраняющимися следами языческого (в виде суеверий) мировидения носителей традиционной культуры.

Сопоставление моделей номинации убедительно свидетельствует о мотивационной стабильности поля, представляющей значимое для русской культуры понятие как структурно устойчивое с давних времен (вследствие генетических связей праславянского периода), так и обладающее определенной вариативностью в мировидении носителей литературного языка и диалектов.

Список литературы

Азылбекова Г. О. Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011. 205 с.

Дронова Л. П., Лю Яньчунь. Что такое вред? (Мотивационно-генетические связи рус. вред) // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 412. С. 14–19.

Дронова Л. П., Лю Яньчунь. Мотивационно-генетическая характеристика лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 202–213.

Лю Яньчунь. Мотивационная структура субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 427. С. 47–54.

Погорелова С. Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках (по материалам лексикографии): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 238 с.

Савельева Е. А. Концептуализация утилитарных оценок полезных / вредных в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 211 с.

Хорошунцова И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле (на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «ПОЛЬЗА / ВРЕД»): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 344 с.

Список источников и словарей

Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: В 3 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2003.

Бабенко Л. Г. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.

БАС – Большой академический словарь русского языка: В 23 т. / Под ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2014.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 24.04 2018).

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970–1971.

Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ии-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров: Вып. 1–49. СПб.: Наука, 1965–2016.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1994.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 2004.

Частотный словарь русского языка: Около 40 000 слов / Под ред. Л. Н. Засорной. М.: Рус. яз., 1977. 936 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1999.

References

Azylbekova G. O. *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti utilitarnoy otsenki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Semantic-pragmatic features of a utilitarian assessment (based on Russian and German languages)]. Cand. philol. sci. diss. Tobolsk, 2011, 205 p.

Dronova L. P., Liu Yanchun. Chto takoe vred? (Motivatsionno-geneticheskie svyazi rus. vred) [What is harm? (Motivational and genetic link of Rus. vred)]. *Tomsk State University Journal*. 2016, no. 412, pp. 14–19.

Dronova L. P., Liu Yanchun. Motivatsionno-geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya “Vred” v russkom literaturnom yazyke [Motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field “Harm” in the Russian literary language]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 202–213.

Liu Yanchun. Motivatsionnaya struktura subpolya «Sglaz, porcha» leksiko-semanticheskogo polya “Vred” v dialektakh russkogo yazyka [Motivational structure of the subfield “Evil eye, damage” of the lexical-semantic field “Harm” in the dialects of the Russian language]. *Tomsk State University Journal*. 2018, no. 427, pp. 47–54.

Pogorelova S. D. *Sopostavitel'noe issledovanie leksiki utilitarnoy otsenki v russkom i angliyskom yazykakh (po materialam leksikografii)* [A comparative study of the vocabulary of utilitarian assessment in Russian and English (based on lexicography)]. Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2002, 238 p.

Savel'eva E. A. *Kontseptualizatsiya utilitarnykh otsenok poleznyy / vrednyy v russkom yazyke* [Conceptualization of utilitarian assessments useful / harmful in Russian]. Cand. philol. sci. diss. Omsk, 2014, 211 p.

Khoroshunova I. V. *Semanticheskie protsessy v leksiko-semanticheskome pole (na materiale leksiko-semanticheskogo polya utilitarnoy otsenki “POL”ZA / VRED)* [Semantic processes in the lexical-semantic field (based on the material of the lexical-semantic field of utilitarian assessments “USE / HARM”)]. Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2002, 344 p.

List of sources and dictionaries

Apresyan Yu. D. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 3 t.* [New explanatory synonym dictionary of the Russian language: In 3 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 1999–2003.

Babenko L. G. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Synonym dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel, 2011, 688 p.

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 23 t. [The large academic dictionary of the Russian language: In 23 vols]. K. S. Gorbachevich, A. S. Gerd (Eds.). Moscow, Leningrad, Nauka, 2004–2014.

Chastotnyy slovar' russkogo yazyka: Okolo 40 000 slov. [Frequency dictionary of the Russian language: About 40,000 words]. L. N. Zasornaya (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1977, 936 p.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: In 2 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1999.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. O. N. Trubachev (Transl. from German). Moscow, Progress, 2004.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 24.04 2018).

Slovar' russkikh narodnykh govorov: Vyp. 1–49 [Dictionary of Russian folk dialects: Iss. 1–49 vols]. Leningrad, Nauka, 1965–2016.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow, Rus. yaz., 1981–1984.

Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V t. [Synonym dictionary of the Russian language: In 2 vols]. Evgen'eva A. P. (Ed.) Leningrad, Nauka, 1970–1971.

Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka: Ok. 2500 slovar. statey [Dictionary of the combination of words of the Russian language: About 2500 entries]. A. S. Pushkin Institute of Russian Language, P. N. Denisov, V. V. Morkovkin (Eds.). Moscow, Rus. yaz., 1983, 688 p.

Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow, 1994.

Информация об авторе

Лю Яньчунь, кандидат филологических наук

Information about the author

Liu Yanchun, Candidate of Linguistics

Статья поступила в редакцию 14.03.2020;

одобрена после рецензирования 03.06.2020; принята к публикации 03.06.2020

The article was submitted 14.03.2020;

approved after reviewing 03.06.2020; accepted for publication 03.06.2020